

6+

АНДРЕЙ БЕЛЯЕВ-ШИМАНОВ

ДНЕВНИК ВАСИЛИСКА

Андрей Беляев-Шиманов

Дневник василиска

<https://litres.ru/74281802>

ISBN 9785007071949

Аннотация

Маленький василиск Бэл отправляется в опасное путешествие по отравленной реке, чтобы спасти семью. Его чешуя меняет цвет, наглядно показывая: любые эмоции важны.

Это терапевтическая сказка в формате личного дневника. Она вплетает психологические практики в динамичный сюжет, учит детей беречь экологию и верить в добро. Книга украшена красочными иллюстрациями в южноамериканском стиле мола.

Содержание

Пролог. Сон Земли	6
ГЛАВА 1. Новый год под ливнем	9
ГЛАВА 2. Плот надежды	16
ГЛАВА 3. Венок для принцессы	23
ГЛАВА 4. Тропа в никуда	30
ГЛАВА 5. Тот, кто тише воды	37
ГЛАВА 6. Песнь сердца	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дневник василиска

Андрей Беляев-Шиманов

Иллюстрации Nano banana 2

© Андрей Беляев-Шиманов, 2026

ISBN 978-5-0070-7194-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Моей семье посвящается.

Привет!

Ты держишь в руках необычную книгу — это настоящий дневник юного василиска по имени Бэл. Вместе с ним ты отправишься в опасные джунгли Амазонки. Но знаешь, что самое интересное? В этом путешествии Бэл откроет несколько очень важных секретов.

Он поймет, как важно ценить то, что у нас есть. Особенно свою семью — маму, папу, братьев и сестер. Ведь даже если вы иногда ссоритесь, родные — это твоя самая надежная и верная команда. Бэл научится смело идти вперед, даже когда очень страшно. А еще узнает, что уметь прощать — это настоящая суперсила. Ведь обида — как тяжелый камень в

рюкзаке. Стоит простить, скинуть этот камень, и тебе самому сразу станет намного легче идти дальше.

А чтобы наше путешествие стало еще ярче, я добавил к каждой главе красочные иллюстрации в индейской технике мола!

Вдохни глубже. Мы начинаем.

Пролог. Сон Земли

Говорят, у нашей планеты есть сердце. Оно бьётся глубоко-глубоко под землёй, и его стук похож на глухой гул барабана. Услышать его могут только самые старые деревья своими корнями.

А ещё говорят, что джунгли Амазонии — это лёгкие Земли. Когда джунгли делают вдох, рождаются ветра. Когда выдыхают — на листья ложится туман. Этот туман — как тёплое дыхание спящего, а под ним, глубоко-глубоко, продолжает стучать сердце: глухо, как барабан. И чтобы сон Земли не превратился в беду, у него есть хранитель. Мудрые предки называют его Маниокас — спящий великан. Его постель — пласты глины, его подушка — сплетение корней, а одеяло — густые леса. Он спит уже тысячи лет. Пока Маниокас спит спокойно, реки текут плавно, дожди приходят вовремя, и жизнь идёт своим чередом.

Но иногда великану снится кошмар. Тогда он начинает ворочаться. Земля дрожит, и реки выходят из берегов. Вода поднимается высоко-высоко, смывая всё на своём пути. Звери знают: это не со зла. Просто великан переворачивается на другой бок. Это время называется Великий Разлив. К нему готовятся, его ждут и его уважают.

Но в этом году всё пошло не так. Воздух стал тяжёлым и горьким. Река, наша кормилица, заболела. Её воды помутнели и стали пахнуть не илом и рыбой, а чем-то едким и чужим. Старейшины шепчут, что сон Маниокаса отравлен. Что ему снится что-то злое и жадное, чего не должно быть в наших лесах. И в джунглях поселился страх: а что, если великан проснётся не добрым садовником, а разъярённым зверем?

С этого страха и начинается наша история.

ГЛАВА 1. Новый год под ливнем

Там, где река Амазонка делает свой самый причудливый изгиб, джунгли стоят плотной, разноголосой стеной. Воздух здесь обычно густой, как бульон из запахов прелой листвы и сладких орхидей. Гигантские деревья сплетают над головой зелёную крышу, пропуская солнце лишь редкими золотыми монетами. Всё здесь жило по древнему расписанию. Кроме реки. В этом году она дышала тяжело, вздуваясь мутными пузырями, и пахла не свежестью, а чем-то химическим и злым. Неделью шёл дождь.

Над водой, на высоких сваях, стоял наш дом. Стены из бамбука, крыша из пальм — всё это было нашей крепостью. И душой этой крепости была мама — Юма. Мама стояла у окна. Она — красивая, стройная ящерица, которая обычно не может усидеть на месте. Она вечно хлопочет: то поправляет циновки, то готовит рагу из сладких корней, то — вы не поверите — читает нам вслух. Да-да, ящерицы тоже читают, если вы не знали! Мама всегда старалась сделать всё за нас: и постель убрать, и зубки веточкой почистить, словно мы всё ещё малыши, которые не могут вытереть нос самостоятельно. Но сегодня она замерла. Её зелёно-карие глаза (папа называл их «глазами оттенка мечты») смотрели на бушующую воду с тревогой. Она ждала отца. Кай ушёл неделю

назад проверить ловушки и должен был вернуться к Новому году.

— Мам, а папа увидит, как я украсила ветку? — спросила Эя, дёргая маму за лапу.

Моей сестре, Эе, если переводить на человеческий, пять лет. Она — настоящий цветок джунглей: милая, бесконечно дружелюбная ко всем жучкам и паучкам. Но пусть вас не обманывает её вид. Эя — крепкая девчонка, совсем не пухлая, а сбитая, как маленький камешек. И если я её случайно задену или обижу, она может отвесить такой тумак, что у меня искры из глаз посыплются. Может, она и бывает неповоротливой, но удар у неё — что надо.

— Увидит, солнышко, — тихо ответила мама, погладив Эю по голове. — У него же зрение острое, как у орла.

У Эи мамины глаза — большие, серо-голубые, а у меня папины — янтарные, как капли застывшей древесной смолы. Я забился в угол, сжимая в лапах мамин подарок — тетрадь в кожаной обложке. Если переводить на человеческий, мне уже почти девять лет. Я считаю себя вполне взрослым и умным.

Люди называют наш вид «шлемоносными василисками». А ещё я читал, что нам дали прозвище «ящерица Иисуса». По-моему, странно: ведь мои предки бегали по воде задолго до того, как люди вообще узнали это имя. Кстати, читать и

считать я научился быстро, спасибо маме, а вот с усидчивостью у меня беда. Папа вечно ворчал: «Бэл, память у тебя отличная, но внимание скачет, как бешеная блоха по собаке».

Сейчас моё внимание было приковано к двери. Я ждал, что она откроется и войдёт он — Кай. Высокий, жилистый, с широкими скулами и мощным хвостом. Хвост был папиной гордостью. Длинный, гибкий, он служил ему рулём и балансиром. Именно благодаря хвосту папа владел магией, доступной лишь избранным василискам: он умел бегать по воде.

Я вспомнил, как мы с Эей сидели на берегу и, затаив дыхание, смотрели на него. Папа разгонялся и мчался по водной глади, побеждая гравитацию, оставляя за собой веер радужных брызг. В такие моменты мне казалось, что он — король этого мира. Я мечтал, что когда-нибудь тоже так смогу. Но пока я умел только плюхаться в воду.

Моя чешуя, обычно ярко-зелёная, сейчас потемнела, став цвета грозовой тучи. Так всегда бывает, когда я злюсь или боюсь. А боялся я сильно. Я взял огрызок карандаша. Пальцы дрожали.

«Дневник Бэла. Первая запись.

Сегодня Новый год, но праздник не чувствуется, потому что нет папы. И целую неделю дождь льёт как из ведра. Мама делает вид, что всё хорошо, но я вижу, как у неё дрожит хвост. Перед уходом отца мы с ним повздорили. Он хо-

тел, чтобы я тренировался вязать узлы, а я хотел играть. Он стал строгим в последнее время, всё учит меня ответственности. А я наговорил ему обидных глупостей. Теперь мне страшно. Вдруг он не вернётся, и я не успею извиниться»?

Я сунул толстую тетрадь в сумку, где уже лежал мой талисман — зуб анаконды на шнурке.

— Так! — Мама вдруг хлопнула в ладоши, пытаюсь отогнать мрак. Её опека снова включилась. — Никаких кислых морд! Давайте пить наш праздничный напиток из ягод асаи! За то, чтобы папа скорее вернулся!

Она разливала густой, терпко пахнущий сок по глиняным чашкам, стараясь улыбаться хотя бы ртом, но глаза не улыбались.

— За Новый год! — воскликнула она.

И тут мир взорвался. Это был не гром. Это был глухой скрежет, идущий из-под земли. Свая под домом хрустнула с треском сухой ветки. Пол ушёл из-под ног.

— Держитесь! — закричала мама, бросая чашки и хватая Эю.

Стена дома лопнула, и внутрь ворвалась чёрная ледяная вода. Поток сбил меня с ног. Я закрутился в водовороте щепок и мебели. Вода была едкой, горькой. Я вынырнул, отплываваясь, и в полумраке увидел ЕЁ.

Огромное блестящее тело толщиной с бочку пронеслось мимо. Анаконда. Ойя. Дух реки. Но сейчас она была безумна. Её глаза затянула белая пелена ярости. Она крушила всё на своём пути.

— МАМА! — заорал я.

Я увидел их. Мама одной рукой прижимала к себе крепкое тельце Эи, а другую тянула ко мне. В её глазах был ужас, но не за себя, а за нас. Она хотела спасти, помочь, защитить — как всегда.

— Хватайся, Бэл!

Я рванулся к ней, но гигантская волна от удара хвоста Ойи ударила в стену. Мамины пальцы были всего в сантиметре от моих.

— Плыви! — крикнула она сквозь рёв воды. — Сынок!

Вода накрыла их с головой. Течение подхватило меня, как щепку, и швырнуло прочь, в темноту, туда, где ревел проснувшийся Исполин. Я остался один.

Я прижал лапы к груди — там, где должно быть сердце, — и заставил себя вдохнуть. Раз. Ещё раз. «Я жив. Сейчас самое главное — держаться», — сказал я себе, как учил папа.

ГЛАВА 2. Плот надежды

Дождь не прекращался, и холод пробирал до самых костей, вымывая из головы все мысли, кроме одной: «Держись».

Меня крутило и швыряло, как сухой лист в водовороте. Я наглотался мутной жижи, и во рту стоял вкус ила и того самого едкого масла. Мои лапы, хоть и цепкие, скользили по мокрому дереву. Я чудом успел вскарабкаться на кусок стены нашего дома — несколько бамбуковых жердей, кое-как связанных лианой. Это был мой корабль. Мой крошечный остров надежды посреди ревущего хаоса.

Я лежал, вцепившись когтями в бамбук, и кашлял. Меня трясло так сильно, что чешуйки на боках стучали друг о друга. Вокруг была только серая пелена дождя и чёрная, злая вода. «Мама... Эя... Папа...» Я зажмурился. Пальцы сами потянулись к шее, нащупали гладкий, холодный зуб анаконды. Шнурок больно врезался в мокрую кожу.

Внезапно меня накрыло воспоминание. Такое яркое, будто это было вчера, а не неделю назад.

Мы с папой сидим на берегу, в тихой заводи. Солнце припекает спины. Папа учит меня плести хитрую ловушку для

сахарных жуков — моего любимого лакомства.

— Не тяни так сильно, Бэл, — спокойно говорит он, направляя мои торопливые движения. — Узел должен дышать. Если затянешь слишком туго, механизм заест. Терпение, сын. Охота — это ожидание. А я был голоден и нетерпелив. У меня ничего не получалось. Узел затянулся намертво.

— Да ну тебя! — крикнул я тогда, отшвырнув верёвку. — Я и без твоих узлов поймаю! Ты всё усложняешь! Я убежал в дом, даже не оглянувшись. А вечером папа уплыл проверить дальние ловушки — у самых границ нашего участка. И мы так и не помирились.

Сейчас, лёжа на мокром плоту, я бы отдал всё на свете, чтобы развязать тот дурацкий узел. Я бы сидел с ним вечно, лишь бы папа был рядом. Слезы смешались с дождём на моей морде. Я нагрубил ему. И теперь он может никогда не узнать, что я на самом деле не хотел его обидеть.

— Уа-а-а! Тонкий, жалобный звук прорезал шум воды. Я вскинул голову. Показалось? Звук повторился. Плач.

— Эя?! — крикнул я. Голос сорвался на хрип.

Ветер унёс мой крик, но я увидел её. Метрах в двадцати, на обломке крыши, сидел маленький, сжавшийся комок. Это была она. Моя сестра. Страх никуда не делся, но теперь он уступил место чему-то другому. Инстинкту. Папа всегда говорил: «Василиски своих не бросают». Я лёг на живот и на-

чал грести. Лапы сводило от холода, течение пыталось развернуть мой плот, но я упрямо толкал его вперёд.

— Держись! Я иду!

Когда наши «корабли» столкнулись, я схватил Эю за шкирку и втянул к себе. Она была ледяная и дрожала, как осиновый лист. Её большие глаза смотрели на меня, но, кажется, не видели.

— Мама... — стуча зубами, прошептала она. — Её удавило бревном... Она отпустила руку... Бэл, где мама?

Я не знал, что сказать. Я просто обнял её, накрыв своим телом, пытаюсь согреть. Я чувствовал, как бьётся её сердце — быстро-быстро, как у пойманной птички.

— Мы найдём её, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, как у папы. — И папу найдём. Я обещаю.

Мы неслись вниз по течению ещё долго. Берега превратились в тёмные, размытые тени. Казалось, джунгли отвернулись от нас. Но вдруг вода рядом с плотом вспенилась. Я напрыгся, выпуская когти. Ойя? Снова она? Моя чешуя мгновенно стала тёмно-синей, почти чёрной. Я закрыл собой Эю.

Но из мутной воды показалась не змеиная голова, а гладкая розовая спина. Потом ещё одна. Дельфины! Их было трое. Они не выглядели злыми. Их маленькие глазки смотрели на нас с любопытством. Один из дельфинов мягко толкнул носом край нашего плота. Плот качнулся и изменил

курс.

— Они... они помогают? — прошептала Эя, приподнимая голову.

Дельфины толкали нас к берегу, туда, где стена лиан казалась не такой плотной. Через несколько минут плот с глухим стуком врезался в илистую отмель. Мы застряли. Перед нами была чаща — тёмная, мокрая и незнакомая. Выбраться на скользкий, крутой берег казалось невозможным.

— Эй, мокрая команда! — раздался вдруг насмешливый голос сверху. — Вам помочь или вы тут останетесь загорать?

Мы задрали головы. С ветки, свисающей над водой, на нас смотрела забавная морда с торчащими ушами. Обезьяна-капуцин. Она висела, зацепившись хвостом, и широко улыбалась, показывая белые зубы.

— Чего застыли? — спросила обезьяна и протянула нам длинную крепкую палку. — Хватайтесь! Меня зовут Джо, и я не люблю, когда гости тонут у моего порога.

Я, всё ещё не веря в происходящее, ухватился за палку. Джо оказался удивительно сильным для своего размера. Он поднатужился, крикнул и одним рывком подтянул нас на твёрдую землю.

Мы с Эей повалились на мокрую траву, тяжело дыша. Земля под ногами не качалась. Это было лучшее чувство на свете. Джо тут же прыгнул к нам. В лапах у него откуда-то появилась связка маленьких бананов.

— Ешьте, — скомандовал он. — Сахар полезен для мозгов. А вам сейчас надо соображать, вы выглядите так, будто вас пожевала и выплюнула анаконда.

Джо даже не представлял, насколько он был близок к правде.

Эя неуверенно взяла банан. Я тоже. Первый укус показался безвкусным, но потом желудок заурчал, вспомнив, что я ничего не ел с утра. Я посмотрел на Джо. Он смешно почёсывал бок и корчил рожи, пытаясь развеселить Эю. Мир рухнул, наш дом был уничтожен, мы потеряли родителей. Но мы сидим на берегу, едим бананы, и нас спас болтливый незнакомец.

Когда дождь немного стих, я достал из сумки дневник и огрызок карандаша. Кожаная обложка спасла бумагу — она была лишь слегка влажной. Я должен был это записать. Чтобы не забыть. И чтобы тот узел внутри меня, завязанный ссорой с отцом, хоть немного ослаб.

«Дневник Бэла. Вторая запись.

Мы живы. Нас спасли дельфины и обезьяна по имени Джо. Он дал нам бананы. Маму унесло течением. Папа пропал. Я вспомнил, как мы делали ловушку. Папа учил меня терпению, а я убежал. Я был глупым. Теперь я знаю: самые важные слова надо говорить сразу. Нельзя убежать, не обнявшись. Я не знаю, куда нам идти. Но Джо улыбается, и Эя перестала плакать. Значит, пока мы здесь».

ГЛАВА 3. Венок для принцессы

Ливень наконец выдохся, превратившись в липкую, серую морось. Джунгли, казалось, накрыли мокрым одеялом. Под навесом из пальмовых листьев, который на скорую руку соорудил Джо, было сухо, но тоскливо. Эя сидела, обхватив колени, и тихонько всхлипывала. Её слёзы капали в мутную воду реки с едва слышным «плик-плик».

— Мамы нет. Папы нет. Дома нет, — шептала она, раскачиваясь. — Мы совсем одни, Бэл?

Её слова были тяжелее груды камней. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри меня закипает отчаяние. Я должен был что-то сделать. Я же старший. Я же мужчина. Внезапно в голове вспыхнула мысль: «Папа мог бегать по воде. Если я смогу так же, я быстро добежу до заводи, найду их и верну!»

— Смотри, Эя! — крикнул я, вскакивая. — Я сейчас всё исправлю! Я — сын Кая!

Я распушил свой ещё не до конца выросший гребень, набрал полную грудь воздуха и бросился к реке. Я представил, как мои лапы, шлёпая по поверхности, удерживают меня, как я лечу над волнами, оставляя радужные брызги... Я оттолкнулся от берега и...

БУЛТЫХ!

Никакого чуда. Никакого бега. Вода не стала твёрдой. Она была жидкой, холодной и равнодушной. Я провалился по самую шею, нахлебался тины и, барахтаясь, как нелепый лягушонок, еле выбрался обратно на песок. Моя чешуя от стыда стала грязно-коричневой. Я лежал на берегу, отплёвываясь. Какой позор. Я хотел быть героем, а оказался просто мокрой ящерицей.

Я украдкой глянул на Эю. Она даже не перестала плакать. Ей было всё равно на мои подвиги, ей было просто страшно и одиноко. Раньше, дома, если бы Эя так ныла, я бы, наверное, дёрнул её за гребень или обозвал «Эей-Пузырём». Я всегда так делал, когда злился или не знал, как поступить. Но сейчас... сейчас я посмотрел на её дрожащие плечи и понял: дразнить её — это как бить лежачего.

Я огляделся. У самого берега, чудом уцелев после шторма, плавала семейка белых водяных лилий. Я пополз к воде — на этот раз осторожно. Сорвал три самых крупных цветка и длинный гибкий стебель. От них слабо пахло чем-то сладким и чистым — совсем не так, как грязной рекой. Пальцы, которые помнили папины уроки вязания узлов, заработали сами собой. Раз виток, два виток, закрепить.

Через минуту я подошёл к сестре.

— Эй, — тихо позвал я. Она подняла заплаканные глаза.

— Держи. — Я неловко опустил ей на голову веноч из лилий. Он получился немного кривым, но цветы светились в полумраке, как маленькие луны. — Это корона. Для Принцессы Великой Реки. Принцессам лучше не плакать, а то глаза навсегда останутся красными. И чешуя размокнет.

Эя шмыгнула носом, потрогала цветы и вдруг слабо, неуверенно улыбнулась.

— Ты же говорил, что цветы — это глупости, — прошептала она.

— Это я вёл себя глупо, — честно признался я. Моя чешуя снова начала зеленеть.

И тут, словно в награду за этот момент, вода в реке забурлила. Мы с Эей отшатнулись, но вместо страшной змеи на поверхность вынырнули две блестящие розовые спины. Те самые дельфины! Они подплыли к самому берегу, фыркая и выпуская фонтанчики воды.

— Привет, сухопутные, — прощёлкал один из них. Его голос звучал как скрип мокрой резины, но очень дружелюбно. — Я Токи, а это мой брат Поки. Мы слышали всплеск. Кто-то пытался бегать, но забыл отрастить лапы подлиннее?

Я смутился, но Эя хихикнула.

— Мы видели вашу маму, — вдруг сказал второй дельфин, Поки, став серьёзным.

У меня перехватило дыхание.

— Она жива?

— Жива, — кивнул Токи. — Течение было сильным, но она ухватилась за брёвна. Её вынесло далеко вниз, на западный берег. Она искала вас.

— А папа? — Эя вскочила, придерживая венки на голове. — Он тоже василиск, большой и с длинным хвостом. Вы его не видели? Дельфины переглянулись. Вода вокруг них пошла рябью.

— В последнее время мы таких больше не видели, — неохотно прощёлкал Поки. — Но мы видели других. Людей на Железных Лодках. Они шли вверх по течению, туда, где Сердце Реки. Они ловят зверей и роют землю. Возможно... возможно, ваш отец у них.

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Железные лодки. Браконьеры. Если папа у них...

— Нам надо плыть! — я решительно шагнул к воде. — Сейчас же!

— Стой, глупый василиск! — Токи ударил хвостом по воде, преграждая путь. — Река сейчас — это смерть. Там Ойя. Анаконда сошла с ума от боли и яда. Она нападает на всё, что движется. В воде вы для неё — лёгкая закуска.

— Но как же нам добраться до мамы и папы? — в отчаянии спросила Эя.

— Идите берегом, — сказал дельфин. — Через лес. Это долго и трудно, но вода вас не примет, пока гнев Ойи не утихнет.

Дельфины махнули хвостами на прощание и исчезли в

мутной глубине, оставив нас переваривать новости. Мама жива. Папа в беде. Река закрыта.

Сверху прыгнул Джо. Он всё это время слушал, дожёвывая очередной банан.

— Ну что, новости так себе, но могло быть и хуже, — деловито сказал он. — Лес так лес. Только учтите, ребятки. в этой части джунглей хозяйничает чёрный ягуар. Он ходит тише тени и очень не любит незваных гостей.

Эя испуганно прижалась ко мне. Я обнял её за плечи одной рукой.

— Мы пройдем, — сказал я. Не потому, что был уверен, а потому что другого выбора не было. — У нас нет пути назад.

Я достал дневник. Писать было трудно — лапы ещё дрожали и были мокрые после купания.

«Дневник Бэла. Третья запись.

Я хотел пробежать по воде, как папа, но только наглотался грязи. Я ещё не волшебник. Зато я сделал Эе венок. Раньше я бы её дёрнул за гребень, чтобы не ревела. А сейчас мне захотелось, чтобы она улыбнулась. Кажется, я немного повзрослел за это утро. Дельфины сказали: мама жива. Папу, возможно, забрали люди на железных лодках. В реку нельзя — там злая Ойя. Идём через лес. Там злой Ягуар. Куда ни кинь — везде зубы и когти. Но мы пойдём. Потому что василиски не сдаются».

ГЛАВА 4. Тропа в никуда

Джунгли навалились на нас со всех сторон. Если у реки было просто страшно, то здесь, в гуще леса, стало ещё и тесно. Огромные листья папоротников, размером с тапира, закрывали небо. Лианы свисали, как спутанные волосы великана. Воздух здесь не двигался — он висел плотным, влажным паром, от которого чешуя сразу стала липкой.

Джо скакал впереди. Он был рад, что выбрался подальше от реки, и теперь вёл себя так, будто мы вышли на прогулку, а не спасались бегством.

— Сюда! Нет, туда! О, смотрите, какая бабочка! За ней! Бабочки всегда знают дорогу к самым вкусным цветам!

Он прыгал с ветки на ветку, болтал без умолку и то и дело менял направление. Эя семенила следом, спотыкаясь о выступающие корни. Она выглядела совсем маленькой среди этих гигантских деревьев. Её венок из лилий сбился набок.

Я шёл замыкающим и молчал. Внутри меня звучал голос папы. Он часто брал меня в лес, когда учил ориентироваться. «Лес — это книга, Бэл, — говорил он, указывая на ствол дерева.

— Видишь мох? Он любит тень и влагу, поэтому чаще растёт с северной стороны. А муравейники любят тепло, они

смотрят на юг. Если ты не читаешь знаки, ты ходишь кругами».

Я посмотрел на ближайшее дерево. Мох был справа. Я посмотрел на другое — мох был там же. Значит, север там. А Джо вёл нас то влево, то вправо, то вообще кружился на месте, гоняясь за жуками.

Меня обдало холодом понимания. Джо — отличный парень, он добрый и весёлый. Но он понятия не имеет, куда идти. Он просто обезьяна, которая любит прыгать. Если мы будем слушаться его, то останемся здесь навсегда.

Впереди Эя зацепилась лапкой за корень, ойкнула и упала носом в прелую листву. Джо этого даже не заметил — он был занят тем, что дразнил попугая на ветке. Я подскочил к сестре раньше, чем она успела испугаться.

— Тише, тише, — я помог ей встать и отряхнул влажную землю с её коленки. — Ты не ушиблась?

— Нет, — шмыгнула она, размазав грязь по щеке. — Бэл, мы заблудились? Джо ведёт нас странно.

Я посмотрел ей в глаза. Я не мог сказать ей правду, чтобы не напугать ещё больше. Но и врать не хотел.

— Джо просто... ищет самый весёлый путь, — сказал я, крепко сжимая её лапку в своей. — Но я слежу за дорогой. Держись за меня.

Эя кивнула и прижалась к моему боку. Я почувствовал, как её дрожь утихает. Теперь мы шли рядом, плечом к плечу. Я — её опора. Это чувство придало мне сил, и моя чешуя, которая начала было синеть от тревоги, снова налилась уверенным зелёным цветом.

Постепенно лес начал меняться. Зелень стала тусклой, сероватой. Сладкий запах цветов исчез, уступив место тяжёлому, затхлому духу. Так пахнет стоячая вода и гниющие растения. Земля под ногами стала мягкой и чавкающей, как густая каша.

— Ого, — Джо замер на ветке, перестав улыбаться. — Кажется, мы пришли не туда.

Мы вышли к болоту. Вода здесь не текла. Она стояла чёрными, маслянистыми лужами между кочками. Деревья здесь были похожи на скелеты — голые, кривые, обвешанные серыми лохмотьями мха. Было тихо. Ни птиц, ни кузнечиков. Только иногда где-то в глубине булькал большой пузырь газа.

И прямо перед нами, у самой тропы, что-то белело. Я шагнул ближе, прикрывая собой Эю. Это был череп. Длинный, вытянутый, с рядами мелких зубов. Череп речного дельфина. Он лежал в грязи, пустые глазницы смотрели прямо на нас. Эя тихонько взвизгнула и спрятала лицо у меня на груди. Даже Джо спустился пониже и притих.

— Это Бото, — прошептал он, и его голос дрогнул. —

Старый дельфин. Сильный. Если болото забрало его... значит, это плохое место. Злое.

Я смотрел на череп. Из трещины на его макушке, насмехавшись над смертью, рос маленький, ядовито-яркий фиолетовый цветок. Этот череп был знаком. Предупреждением. Джунгли говорили нам: «Здесь не место для игр. Здесь ошибаться нельзя». Я вспомнил папины слова: «Страх ползет, сынок. Он делает твои уши острее, а лапы быстрее. Не стыдись бояться. Стыдись ничего не делать».

— Нам нельзя здесь оставаться, — сказал я громко. Мой голос прозвучал неожиданно твёрдо в этой тишине. — Джо, слезай. Хватит прыгать. Идём осторожно, след в след. Я пойду первым и буду проверять землю палкой. Эя — за мной. Джо — замыкающий.

Джо удивлённо моргнул, но спорить не стал. Моя уверенность подействовала на него.

— Как скажешь, капитан Чешуя, — буркнул он и спрыгнул вниз.

Пока мы готовились идти дальше, я быстро вытащил дневник. Мне нужно было записать эту мысль, чтобы она не улетела, как глупая бабочка Джо.

«Дневник Бэла. Четвёртая запись.

Джо — хороший друг, но плохой возжак. Он бежит за всем, что блестит. Если мы будем просто бежать за ним, мы попадём в беду. Папа учил меня читать лес по мху и солнцу. Пришло время вспомнить эти уроки. Мы нашли че-

реп дельфина. Он улыбался своими зубами, но это была не добрая улыбка. Мне стало жутко. Хотелось убежать. Но я посмотрел на Эю. Она держала меня за руку так крепко, что пальцы побелели. Я не могу её подвести. Я должен вытащить нас отсюда. Теперь я веду отряд. Надеюсь, я не ошибусь».

ГЛАВА 5. Тот, кто тише воды

Мы двинулись вдоль края болота. Воздух здесь был тяжёлым, будто кто-то накрыл нас мокрым шерстяным одеялом. Каждый шаг отзывался противным «чавк-чавк». Я шёл, сжавшись в пружину. Моя чешуя стала серо-синей, под цвет этого унылого места. Я всё время вспоминал тот белый череп дельфина с цветком во лбу. Мне казалось, что пустые глазницы следят за нами из каждой лужи.

Вдруг сзади, совсем близко, раздался звук. Это был не хруст ветки. Это был низкий, вибрирующий рык, от которого внутренности сжались в ледяной комок. Ягуар. Он был здесь. Он дышал нам в спину.

В этот миг все правила Джо вылетели у меня из головы. Страх ударил в ноги, как ток.

— Бежим! — взвизгнул Джо.

И мы побежали. Глупо, слепо, прямо вперёд. Я сделал три огромных прыжка и... земля подо мной исчезла.

ПЛЮХ!

Это была не вода. Это была холодная, густая жижа. Она схватила меня за ноги, как голодный зверь, и дёрнула вниз.

Рядом с воплем плюхнулся Джо. Эя, лёгкая как пёрышко, увязла чуть дальше. — Бэл! — закричала она, колотя лапками по грязи.

Я попытался вырвать ногу, но болото только обрадовалось. Оно с чавканьем засосало меня по пояс. Чем сильнее я дёргался, тем глубже уходил. Жижга сдавила грудь, стало трудно дышать. Я чувствовал, как холод ползёт вверх, к горлу.

Паника накрыла меня с головой. Я хотел биться, кричать, грести когтями. Но вдруг сквозь грохот пульса в ушах пробился голос папы. Спокойный, строгий: «Если тебе однажды доведётся оказаться в болоте, знай: трясина любит тех, кто борется, сынок. Если попал — замри. Стань деревом. Не шевелись».

— СТОП! — заорал я так громко, что у самого зазвенело в ушах. — Не двигаться! Перестаньте дёргаться!

Капущин, который молотил руками, как ветряная мельница, замер с перекошенной мордой. Эя всхлипнула и затихла, хотя грязь уже подбиралась к её подбородку. Мы висели в этой чёрной каше, боясь вздохнуть. Было тихо. Только где-то лопнул пузырь: бульк.

Я огляделся. Берег был всего в двух метрах, но эти два метра были бесконечностью. Я потянулся к кусту — не до-

стать. Мы тонули. Медленно, как тот дельфин. «Вот и всё, — подумал я, и моя чешуя стала почти белой от ужаса. — Сейчас мы станем просто тремя белыми черепами».

И тут сверху, абсолютно беззвучно, что-то упало. Шлёп. Прямо перед моим носом в грязь легла толстая, прочная лиана. Я поднял голову. На ветке, нависающей над нами, ничего не было. Лиана просто спустилась сама собой.

— Хватай! — крикнул я, хватаясь за шершавый стебель. — Джо, лови Эю!

Я вцепился в лиану мёртвой хваткой. Кто-то на том конце потянул. Сильно, плавно, уверенно.

— Тяни! — хрипел я, выдирая себя из грязевого плена.

С громким, неприличным чмоканьем болото отпустило меня. Потом Джо. Потом Эю. Мы выползли на землю, похожие на три вонючие какашки. Хватая ртом воздух, мы не могли поверить, что под нами снова что-то твёрдое.

А потом Джо вдруг хихикнул. Это был странный, скрипучий звук.

— Хе-хе... — он сел, вытирая грязь с носа, размазывая её по щекам. — Видели бы вы себя! Зловещие зомби! Хе-хе-хе!

Он начал смеяться громче, запрокинув голову. Это был не весёлый смех. Это был смех страха, который выходит наружу. Я посмотрел на него и тоже фыркнул. Потом засмеялся. Мы хохотали как безумные, тыкая друг в друга грязными пальцами.

— У тебя... на ухе... пиявка! — давился смехом Джо. — А ты... похож на старый пень! — хрипел я.

И вдруг смех оборвался так же резко, как начался. Эя не смеялась. Она уткнулась мне в бок и зарыдала в голос. Я прижал её и проверил: лапы на месте, хвост цел, дышит. «Мы здесь. Мы выбрались. Я с тобой», — повторил я несколько раз, пока она не начала дышать ровнее.

Меня как холодной водой облили. Я обнял её, чувствуя, как меня самого начинает колотить крупная дрожь. Мы только что чуть не умерли. По-настоящему. Не в сказке.

— Тише, — раздался шелестящий голос сверху.

Мы вскинули головы. На той самой ветке, откуда прилетела лиана, воздух дрогнул. Кусок коры вдруг открыл глаз. Потом второй. Хамелеон. Он отделился от дерева и медленно, плавно спустился к нам. Он был довольно крупным, а движения были пусть медленными, но уверенными.

— Вы очень громкие, — сказал он едва слышно. Его глаза вращались в разные стороны, осматривая лес. — Ягуар пока ушёл. Ему не нравится запах грязи.

— Ты... это ты кинул лиану? — спросил я, всё ещё прижимая к себе Эю.

Хамелеон медленно моргнул.

— Меня зовут По. Я был наверху, там безопасно.

Джо вскочил и, подхрамывая, подошёл к нему.

— Друг! Ты спас наши шкуры! Ты... ты просто призрак! Ниндзя! Я Джо, а это, — он махнул на нас, — Бэл и Эя. Мы тебе должны, парень!

По на секунду сменил цвет с коричневого на смущённо-зеленоватый.

— Не должны. Пусть сегодня трясина останется голодной.

От этих слов мне стало жалко По. Я смотрел на него и на Джо. Джо был громким, ярким и смелым, когда всё было хорошо. По был тихим, незаметным, но действовал, когда всё стало плохо.

Я вытащил дневник. Страницы слиплись, но писать было можно.

«Дневник Бэла. Пятая запись.

Мы чуть не стали частью болота. Я чувствовал, как оно тянет меня вниз. Это было страшнее, чем любой сон. После спасения мы смеялись, как ненормальные. А потом плакали. Я понял: смех и слёзы — это одно и то же, когда тебе очень страшно. Нас спас По. Он хамелеон. Он умеет быть невидимым и появляться в нужный момент. Джо — это наш шум и веселье. По — наша тишина и глаза. А я? Я тот,

кто должен вовремя крикнуть «СТОП», когда все теряют голову. Сегодня у меня получилось».

ГЛАВА 6. Песнь сердца

Мы долго оттирали с себя болотную грязь. Она засохла коркой и стягивала чешую, поэтому пришлось потрудиться. По сидел на ветке рядом. Теперь, когда опасность миновала, он снова стал почти невидимым — слился с корой так, что выдавали его только вращающиеся глаза.

— Спасибо тебе, По, — сказал я, отковыривая кусок глины с локтя. — Если бы не ты, мы бы сейчас были частью той жижи.

Хамелеон скромно повёл плечом, отчего по его боку пробежала зелёная волна. — Я хорошо знаю тропы. Если хотите, я выведу вас к Большой Воде.

Я посмотрел на Эю и Джо. Все были в восторге от этой идеи, и мы отправились в путь. Спустя пару часов лес постепенно посветлел, дышать стало легче. Но Эя шла, опустив голову. Она то и дело спотыкалась, но даже не пищала. Ей было плохо. Не от усталости, а от тоски.

— По, — тихо спросила она, не поднимая глаз. — А почему ты живёшь один?

Хамелеон на секунду стал тёмно-серым.

— Первый раз вижу хамелеона в наших лесах, — не удержался Джо. — Как ты тут вообще оказался?

По слегка растерялся от такой прямолинейности и отве-

тил не сразу.

— Я помню только, что меня везли на корабле в клетке. А когда появился шанс убежать, я его не упустил. — Он вздохнул и с грустью добавил: — Других хамелеонов я здесь и правда никогда не видел.

Джо положил мохнатую лапу на плечо По.

— Слушай, друг-невидимка! А давай ты останешься с нами? Нам как раз не хватает того, кто умеет смотреть в оба глаза в разные стороны! И вообще, с нами весело. Ну, когда мы не тонем в болотах.

По посмотрел на нас. Его кожа медленно приобрела тёплый, золотистый оттенок. Он кивнул.

Вскоре деревья расступились, и мы увидели реку. Буря утихла. Вода всё ещё была мутной и быстрой, но уже не ревела, как зверь. Она просто тяжело дышала, унося сломанные ветки.

Эя подошла к самой кромке воды. Она села на песок, поджала под себя хвостик и замерла. Она выглядела такой маленькой и одинокой на фоне огромной реки, что у меня защемило сердце. Я хотел подойти и обнять её, сказать, что всё будет хорошо, но что-то меня остановило.

Эя закрыла глаза.

— Мама где-то там, — прошептала она. — Я чувствую. Ей холодно.

И вдруг она начала петь. Это была не песня со словами. Это был тихий, дрожащий звук, похожий на звон серебряного колокольчика. Сначала робкий, прерывистый, как всхлип. Но потом голос Эи окреп. Она пела не для нас. Она звала. Она вкладывала в этот звук всё, чего ей не хватало: тепло маминого бока, запах нашего дома, вкус ужина, который мама готовила.

Я стоял и не мог пошевелиться. Казалось, даже ветер стих, чтобы послушать её. По поверхности воды побежала странная рябь — не по течению, а против него, словно река откликнулась на зов. Эя не просто пела. Она тянула невидимую нить через весь лес, через шум воды и страх.

И лес ответил. Сначала захрустели кусты на том берегу. Потом что-то всплеснуло. А потом из зарослей ивы, шатаясь, вышла фигура. Высокая, с потускневшей чешуёй, вся в царапинах.

— Мама! — крик Эи сорвался на визг.

Юма. Наша мама. Она замерла, словно не веря своим ушам. Её глаза расширились.

— Эя? Бэл?

В следующую секунду мы уже не бежали, мы летели к ней. Джо и По остались стоять в стороне, понимая, что этот момент — только наш. Мы врезались в маму с разбегу, чуть не

сбив её с ног. Она пахла тиной, усталостью и — самое главное — мамой. Она упала на колени, обхватила нас обеими лапами и прижала так крепко, что у меня хрустнули рёбра. Но это была лучшая боль в мире.

— Нашлись... — шептала она, и её слёзы капали мне на макушку. — Глупые мои, храбрые мои... Я слышала голос. Я думала, мне чудится. Я думала, что схожу с ума от усталости. Но он вёл меня. Прямо сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.